

— Ты мне не нравишься, — Линь Цинжань говорил ровно и спокойно. — Я отказываю тебе не из-за кого-то другого. Дело исключительно во мне.

Гу Вэньйой внутренне усмехнулся.

«Значит, всё, что было между нами раньше — лишь постель? Какая мерзость!»

Подавив рвущееся наружу раздражение, он вновь напустил на себя самый искренний вид:

— Я не давяю на тебя. Мы можем начать просто как друзья. — Он на мгновение умолк и вкрадчиво добавил: — Или ты боишься гнева Хань Яна?

Линь Цинжань лишь мазнул по нему взглядом. Пускаться в долгие препирательства не хотелось — нужно было как можно скорее вернуться домой. Не говоря больше ни слова, юноша развернулся и поспешил прочь.

Гу Вэньйой зашагал следом, обронив с самым непринужденным видом:

— Кстати, на днях краем уха слышал, будто Хань Яна арестовали. Похоже, загремел надолго, нескоро выйдет.

Шаг Линь Цинжаня оборвался. Выждав несколько мучительных секунд, он медленно повернул голову к спутнику:

— Что ты сейчас сказал?

Решив, что юноша расстроился из-за разлуки со своим дружкой, Гу Вэньйой торжествующе хмыкнул про себя. Сохраняя на лице маску полнейшего равнодушия, он с явным удовольствием повторил:

— Слышал, его упрятали за решетку. До самых экзаменов точно не выйдет.

Линь Цинжань оцепенел. Осознание нахлынуло не сразу, но когда оно пришло, сковывавшее его мертвой хваткой напряжение разом исчезло. Тело обмякло так резко, что он покачнулся и едва не завалился назад.

Ухватившись за бетонную опору столба, юноша опустил голову. Длинные ресницы дрогнули, скрывая бурю чувств, но на губах вопреки всему проступила слабая улыбка. Склонившись, он едва слышно, словно обращаясь к кому-то невидимому, прошептал:

— Спасибо.

Ночь выдалась беспросветно темной, на небе не горело ни единой звезды. Древние, установленные бог весть когда уличные фонари сиротливо покачивались на пронизывающем ветру, исправно бросая на землю тусклые, размытые пятна желтоватого света.

Линь Цинжань стоял, низко опустив голову, так что Гу Вэньюй не мог разглядеть его лица. Приняв секундную потерю равновесия за проявление безграничного горя, он довольно прищурился.

«Игра обещает быть трудной, но так даже интереснее. Ради победы можно и приложить усилия — в конце концов, в этом мире нет ничего, что мне не принадлежало бы по праву. Всё, чего я хочу, я забираю себе. И чем больше Линь Цинжань упрямится, тем сильнее хочется затянуть его на самое дно преисподней!»

— Прости, — сдавленно, с заметной дрожью в голосе проговорил Линь Цинжань и, резко сорвавшись с места, бросился бежать к дому.

«Какое счастье! Если Хань Ян действительно заперт под замком, за безопасность бабушки можно не переживать. Все эти дни я сломя голову летел домой сразу после уроков лишь потому, что до безумия боялся мести этого подонка.»

Поток ледяного воздуха, ударивший в лицо, заставил юношу поежиться и мгновенно вернул способность трезво мыслить. Линь Цинжань замедлил шаг, унял дыхание и обернулся. Заметив, что Гу Вэньюй по-прежнему следует за ним, он тихо спросил:

— Ты уверен, что его не выпустят раньше времени?

«У семьи Хань Яна были огромные связи. Сколько бы раз он ни попадал в полицию, влиятельные родственники вызволяли его в мгновение ока. Именно поэтому я безропотно сносил все издевательства, боясь сделать неверный шаг. Если и теперь этого мерзавца отпустят через пару дней, кошмар повторится с новой силой. Хань Ян разозлится еще больше и станет мстить с удвоенной жестокостью. Себя подставлять под удары я не боюсь — выдержу любое насилие, но мысль о том, что этот ублюдок может поднять руку на бабушку, приводит меня в ужас.»

Тусклый свет уличного фонаря отбрасывал длинную, угловатую тень Гу Вэньюя на мокрый асфальт. Он тихо хмыкнул и, словно желая, чтобы собеседник расслышал каждое слово, нарочито медленно повторил:

— До самых экзаменов его никто не выпустит.

Оказавшись у двери, Линь Цинжань поспешно повернул ключ в замке и шагнул в прихожую. Быстрый взгляд на гостиную — пусто.

Сердце, не успевшее успокоиться после долгого бега, на долю секунды замерло, а затем заколотилось в грудную клетку с бешеной силой. Охваченный паникой, юноша хрипло позвал:

— Бабушка!

Собравшись было взлететь по ступеням в ее комнату, он замер у самого подножия лестницы.

Сверху донесся тихий, дребезжащий голос:

— Жань-жань, вернулся?

Бабушка медленно спускалась, бережно удерживая в руках глубокую пиалу, от которой поднимался густой белый пар.

— Выпей сначала бульона, а потом иди к себе, — ласково улыбнулась старушка. — Я как раз подогрела, горячий еще. На дворе-то стужа.

Поставив пиалу на журнальный столик, пожилая женщина наконец разглядела стоявшего у двери гостя.

— Батюшки, Вэньюй! И ты тут, что же не предупредил? — Она ласково взяла юношу за руку, увлекая вглубь комнаты. Лицо старушки прорезали глубокие, но удивительно добрые морщины. — Проходи, присаживайся.

— Отдохни с дороги, а я сейчас и тебе бульона согрею, — засуетилась бабушка и тут же поманила внука: — Жань-жань, давай к столу, пока не остыло.

Оцепенение спало, но внутреннее напряжение всё еще не отпустило Линь Цинжаня. Тщательно скрывая остатки пережитого ужаса, он постарался ответить как можно будничнее:

— Хорошо, бабуль.

Он взял со стола пиалу. Кончики его пальцев побелели — юноша так сильно впивался ногтями в ладони по дороге домой, пытаясь унять дрожь, что кожа до сих пор не восстановила прежний цвет.

Осушив пиалу до дна, Линь Цинжань поспешил на кухню:

— Бабушка, оставь, я сам всё сделаю.

— Да брось ты, пустяки какие, — отмахнулась старушка. Из-за застарелой болезни глаз она хорошо видела только при ярком дневном свете, а по вечерам мир вокруг нее превращался в сплошной туман, поэтому внук всегда оберегал её от лишних движений.

— Лампы горят всюю, не упаду, — ласково возразила она, рассеивая его тревогу. С тихим вздохом бабушка нежно провела ладонью по его волосам и вернулась к гостю.

Гу Вэньюй никогда прежде не заявлялся к ним так поздно. Бабушка присела на свободный стул рядом с ним и тихо спросила:

— Вэньюй, стряслось чего? Время-то уже позднее.

Юноша отрицательно покачал головой и с легкостью соврал:

— Ничего не случилось, бабушка. Просто столкнулись с Цинжанем по дороге, решили пойти вместе, ну я и подумал — дай зайду, проведу вас.

Старушка облегченно выдохнула:

— Ну и слава богу. А то в прошлый раз вы оба ушли такие хмурые, да и не заглядывал ты к нам после этого. Я уж испугалась, не поссорились ли. Главное, что всё хорошо.

Она ласково посмотрела на гостя и неторопливо продолжила:

— Наш Жань-жань с малых лет привык со всеми бедами в одиночку справляться, скрытный он очень. Если вдруг между вами какая размолвка выйдет — вы делитесь друг с другом, не копите обиду. Будь к нему чуточку снисходительнее, Вэньюй, характер у него непростой, но парень он золотой.

При бабушке Гу Вэньюй не смел дерзить, поэтому лишь покорно кивал, изображая прилежного друга.

Линь Цинжань вернулся из кухни, поставил исходящую паром пиалу перед гостем и тут же взял с дивана небольшую подушку. Присев рядом с бабушкой, он мягко приобнял её за плечи, помогая устроиться поудобнее, и подложил подушку под спину.

— Так сидеть полегче будет.

Он привычно достал лекарственные порошки, развел их в теплой воде до нужной температуры и протянул пиалу старушке:

— Бабушка, выпей лекарство и ложись отдыхать, засиделась ты сегодня.

Она послушно выпила горькую смесь и, поднимаясь с кресла, вновь обернулась к Гу Вэньюю:

— Вэньюй, если удержишься — оставайся ночевать у нас. Только родителям обязательно позвони, не заставляй их волноваться. Ну ладно, общайтесь, а я к себе пойду.

Старушка медленно побрела вверх по лестнице.

Линь Цинжань оставался неподвижен. Лишь когда сверху донесся отчетливый стук закрывшейся двери спальни, он поднял взгляд на гостя:

— О чем бабушка с тобой говорила?

Пока он возился на кухне с бульоном, из гостиной долетал лишь неразборчивый бубнеж.

Гу Вэньюй вальяжно откинулся на спинку стула, оперся локтем о подлокотник и подпер подбородок ладонью.

— Тебе так интересно?

Линь Цинжань промолчал, лишь пристально посмотрел в ответ.

Гу Вэньюй сощурился в издевательской улыбке:

— согласишься на мое предложение — расскажу.

Не дождавшись ответа, он снисходительно хмыкнул:

— Шучу-шучу. — Юноша бросил взгляд на исходящий паром бульон и небрежно добавил: — Да ничего особенного. Просила, чтобы мы ладили друг с другом.

Линь Цинжань на миг отвел взгляд, а затем тихо произнес:

— Спасибо. Допивай и возвращайся к себе, уже поздно.

Он попытался подняться, но Гу Вэньюй мгновенно перехватил его безвольно опущенную ладонь.

— Раз уж бабушка просила нас ладить, я ведь могу приходить в гости?

Видя, что юноша молчит, он надавил сильнее:

— Бабушка ко мне со всей душой. Буду навещать вас чаще — ей же радость.

Линь Цинжань замер. Спустя несколько секунд томительного молчания он обреченно кивнул и выдал тихое «хорошо».

В глубине зрачков Гу Вэньюя промелькнул и тут же погас торжествующий блеск. Он не ошибся: упоминание старушки было беспроигрышным козырем, перед которым Линь Цинжань пасовал всегда.

Разжав пальцы, он неторопливо сделал первый глоток.

Избалованный изысканными наваристыми бульонами, которые часами томились на ресторанных кухнях, Гу Вэньюй брезгливо поморщился. Ему хотелось отставить пиалу в сторону, но, передумав, он всё же заставил себя допить простецкий бульон до последней капли.

Дни летели своей чередой. Самыми светлыми событиями за всю неделю для Линь Цинжана

стали два известия: новость о том, что Хань Яна надежно заперли, и долгожданная пересадка в классе.

По школьным правилам учеников регулярно пересаживали с места на место. До этого Линь Цинжань сидел в четвертом ряду у самой стены. Чтобы пробраться к парте, ему каждый раз приходилось протискиваться мимо сидевшего с краю Гу Вэньюя, поэтому приходилось прибегать пораньше, до его прихода.

«Теперь же моя парта стоит прямо у прохода. Больше не нужно унижаться и ловить на себе его брезгливые взгляды, чтобы просто сесть за уроки.»

После первого урока объявили большую перемену. Линь Цинжань купил в буфете копеечную булку и ушел перекусить в тихий школьный сквер.

Там, у небольшого искусственного пруда с золотыми рыбками, он присел на деревянную скамью. Наблюдая за тем, как пестрые спины плавно скользят в воде, юноша мысленно высчитывал, сколько недель осталось продержаться до конца полугодия.

— Старший! — звонкий девичий голос прервал его размышления.

— Старший, тут же ветрище такой, неужели тебе не холодно здесь завтракать? — К скамейке подбежала Хань Синьи. В руках она держала бутылку молочного чая и сэндвич, явно только что из школьного буфета.

Линь Цинжань вежливо улыбнулся:

— Да нет, вполне терпимо. Корпус школы закрывает от ветра, так что здесь не дует.

Хань Синьи посмотрела на свободный край скамейки и робко спросила:

— Старший, можно мне присесть рядом?

Юноша кивнул, и довольная девушка тут же опустилась на деревянные доски.

— О чем ты так задумался, старший? — Хань Синьи принялась шуршать оберткой сэндвича, пытаясь завязать непринужденный разговор.

— Да так, ни о чем особенном, — Линь Цинжань непроизвольно коснулся запястья другой руки, где под манжетом прятался тонкий красный шнурок с одинокой бусиной. — Хотел еще раз сказать спасибо за прошлый раз.

Откусив кусочек сэндвича, Хань Синьи с улыбкой замахала свободной рукой:

— Ой, да не за что! Я просто шла мимо и увидела, что твой браслет лежит на земле. К тому же

ты ведь пообещал угостить меня обедом в счет долга!

Они проболтали еще какое-то время о всяких пустяках. Говорила в основном Хань Синь, а Линь Цинжань мягко ей вторил, внимательно слушая. Со стороны они смотрелись на редкость гармонично и красиво — проходящие мимо школьники то и дело невольно оборачивались, любуясь этой парой.

На обратном пути в класс у самого поворота Линь Цинжань наткнулся на знакомую фигуру. Он демонстративно отвел взгляд и, даже не притормозив, двинулся мимо.

— Куда намылился? — Гу Вэньюй резко преградил ему путь и мертвой хваткой вцепился в его запястье.

Юноше пришлось остановиться. Больше всего на свете ему хотелось выдернуть руку — прикоснуться к этому человеку было физически неприятно, а уж вести беседы и подавно.

Преодолевая глухое раздражение, Линь Цинжань постарался ответить как можно спокойнее:

— В класс возвращаюсь.

— Что, так мило ворковали в саду, чего же не продолжили?

Пальцы Гу Вэньюя сжались на его предплечье до боли. Он резко повернулся к юноше, глядя на него свысока — во взгляде сквозили лишь ядовитая издевка и неприкрытое презрение.

Линь Цинжань безучастно молчал. Он искренне не понимал, чем опять успел не угодить, или же этот парень просто в очередной раз сорвался с цепи без всякого повода.

— Я жду ответа, — сдерживая глухую ярость, процедил сквозь зубы Гу Вэньюй.

<http://bllate.org/book/18342/1764193>